

Научная статья
УДК 910.1

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕНТАЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Алексей Валентинович Любичанковский

Оренбургский государственный университет, г.Оренбург, Россия
av-lubichan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-7320>

Аннотация. Для формирования и утверждения нового научного направления в географии, исследующего общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности населения, которое мы назвали этологической географией, большое значение имеет определение предпосылок. Предпосылки не только определяют направление научного поиска, но и сами являются предметом исследования, постоянно подвергаясь ревизии и пополняясь новыми основаниями. Безусловно, прежде чем формулировать какие бы то ни было научные суждения, необходимо проанализировать предпосылки других научных направлений, работающих в той же области. Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения образуют обосновываемое нами новое направление в общественной географии – этологическую географию. Концептуально это направление встраивается в географическую науку как стыковое, на пересечении хронологического, антропогеографического, географии человека и культурно-ландшафтного подходов, продолжая их методологические разработки для решения своих специальных задач. Новая методология не требует теоретического переосмысления поведенческой географии, так как обосновывается нами как самостоятельное направление в общественной географии. При этом этологическая география имеет сходную интенцию с поведенческой географией, возникшей в середине 60-х гг. XX в. как альтернатива господствующему тогда позитивизму в пространственном анализе, и также отражает тенденцию в направлении гуманизации географии, трансформации ее в науку о людях, а не о местах. В статье приводится синопсис основных географических подходов, рассматриваемых нами в качестве исходных для географии ментальности, проводится их интерпретация, а также обосновывается синтетический подход к их использованию в общественно-географических исследованиях ментальности населения.

Ключевые слова: география ментальности, этологическая география, методология общественной географии

Для цитирования: Любичанковский А.В. Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения // Географический вестник = Geographical bulletin. 2023. № 2(65). С. 26–35.

Original article

BASIC CONCEPTUAL APPROACHES TO THE GEOGRAPHICAL ANALYSIS OF THE POPULATION'S MENTALITY

Aleksey V. Lyubichankovsky

Orenburg State University, Orenburg, Russia
av-lubichan@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-7320>

Abstract. For the formation and establishment in geography of a new research area studying socio-geographical factors and features of the formation, reproduction and transformation of the mentality of the population, called in this article ethological geography, it is extremely important to define the premises. These not only determine the direction of scientific research but are themselves the subject of research, constantly being revised and supplemented with new foundations. Naturally, before formulating any scientific judgments, it is necessary to analyze the premises of other research areas within the same field. Basic conceptual approaches of the geographical analysis of the population's mentality form a new methodological direction in social geography, justified in the article, – ethological geography. It is built into geographical science as a 'conceptual joint', being at the intersection of chorological, anthropogeographic, human geography, and cultural landscape approaches, continuing their methodological developments to solve its own special tasks. The new methodology does not require a theoretical rethinking of behavioral geography as it is shown in this paper as an independent direction in social geography. At the same time, ethological geography has a similar intention to behavioral geography, which appeared in the mid-1960s as an alternative to the then dominant positivism in spatial analysis, and it also reflects a trend toward the humanization of geography, its transformation into a science about people, not places. The article provides a synopsis of the main geographical approaches that the author considers to be initial for geography of mentality, interprets them, and provides the rationale for a synthetic approach to their use in socio-geographical studies of the mentality of the population.

Keywords: geography of mentality, ethological geography, methodology of social geography

For citation: Lyubichankovsky A.V. (2023). Basic conceptual approaches to the geographical analysis of the population's mentality. *Geographical Bulletin*. No. 2(65). Pp. 26–35.

Введение и постановка проблемы

Существуют разные варианты названия географического подхода, исследовательское поле которого мы называем ментальной географией. Это и бихевиористская география, и география восприятия, и перцепционная география, и когнитивная география. В определенном дискурсе можно найти специфику употребления этих названий, однако, в общем, все они фокусируются на изучении пространственных различий в поведении человека и свойств пространственного восприятия в ментальности человека.

Так, когнитивная география ориентирована на изучение пространственных представлений, механизмов их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности [7]. Она использует концептуальную базу когнитивной науки, изучающей познание и разум во всех аспектах их существования [4; 35; 38]. Когнитивная география расширяет поведенческую (бихевиористскую) географию за счет включения более широкого, по сравнению с концептуальным базисом поведенческой психологии, базиса когнитивной науки. Главное в поведенческой географии – пространственное поведение человека, которое исследователь рассматривает как элемент целостной системы, связанной с пространственными представлениями людей. Составляющими ее являются как собственно механизмы восприятия пространственной информации (психогеографическая зона когнитивной географии), так и массовые пространственные представления, стереотипы, оценки и поведение людей (социогеографическая зона), а также пространственные представления, закрепленные и используемые в культуре и языке (соответственно, культурно-географическая и лингвогеографическая зоны [7]).

Содержательно близкой к когнитивной географии выступает перцепционная география: изучение географической реальности через представления о ней, изучение особенностей и закономерностей пространственного восприятия. По этому направлению географии существует множество работ, прежде всего американской и британской научных школ.

Трансдисциплинарность анализа взаимосвязи пространства и ментальности возникает с самого начала разработки этой проблематики. Когнитивная география имеет много пересечений с картографией и геоинформатикой, социальной географией и социологией, политологией, культурологией и лингвистикой [7]. Например, известные исследования образа города К. Линча [12], образа Санкт-Петербурга в русской литературе В.Н. Топорова [28] и других методологически взаимосвязаны с когнитивной географией.

Н.Ю. Замятина определяет когнитивную географию как элемент культурной географии, причем культурно-географическая зона когнитивной географии может рассматриваться как часть гуманитарной географии [7].

Отметим, что сведение географического анализа поведения к пространственному поведению представляется, на наш взгляд, неоправданным сужением темы, так как пространственность самого явления заключается и в различиях типов поведения (т.е. проявление явления) в самом пространстве. Осознавая масштабность реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно такое направление географического анализа отделить от ментальной географии, отделив тем самым свое специфическое исследовательское поле.

Эпистемологически ментальность связана с различными уровнями, в которых можно выделить: ментальность как стиль мышления, связанный с основами психической природы человека; ментальность как индивидуальное свойство личности, выраженное в когнитивных функциях, и, наконец, ментальность как стереотип поведения, различающийся в разных культурно-географических средах. Последний пласт ментальности интересен в географическом ракурсе исследований, так как различие таких ментальных типов связано с пространственными различиями и, на наш взгляд, позволяет использовать понятие «ментальность» в географическом исследовательском поле.

Название «география ментальности» представляется не самой удачной формулировкой по отношению к направлению географической науки, поскольку она занималась бы выявлением и отображением спецификации ментальных комплексов социума в географическом пространстве, исходя из попадания в этот блок только части компонентов, составляющих содержание понятия «ментальность».

Итак, характеризуя современный этап как инфляционное содержательное «расползание» понятия ментальность/менталитет при многообразии выявленных детерминант (капиталистический, антикапиталистический, профессиональный, гендерный и др.), возникает необходимость вычленения специального понятия, в котором обнаруживается географическая реальность, пространственный ракурс исследования.

Разнообразие стереотипов поведения, нравов, темпераментов, обычаев и иерархии ценностей у различных общественных групп в разных регионах мира, как правило, очерченных по этническому или культурно-географическому признакам, связано с термином «этнос». Начиная с античности сложилась исследовательская традиция размежевания в понятиях психических свойств природы человека, представляющих собой врожденные свойства личности – физис, и подверженную изменениям часть психики людей, выражающуюся в привычках, нравах, характерах, темпераменте и обычаях – этосе человека [1; 6; 30].

Понятие «этнос», как и понятие «ментальность», тоже имеет неустойчивый терминологический статус. Однако ретроспективное развитие использования этого термина антропологами XX в. позволяет применять его с большой корректностью к феноменам образа жизни, иерархии ценностей, нравам и обычаям в обществе.

Этнос является составной частью ментальности, при этом проводят понятийно-терминологическую демаркацию между этосным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального (наподобие моральной географии И. Канта) [20].

Таким образом, первоначальное понимание этоса как места обитания, обжитого пространства в его связи с характером человека, на наш взгляд, обуславливает правомерность введения в научный географический оборот самого понятия «этнос». Более того, анализ ретроспективного использования этого термина антропологами XX в. позволяет корректно применять его к феноменам образа жизни, иерархии ценностей, нравам и обычаям в обществе на разных пространственных уровнях.

Классическое учение об этосе культуры составила Рут Бенедикт [8, с. 36–37], понимающая под ним индивидуальное для каждой культуры и связанное некой общей культурной направленностью соотношение в конфигурации внутрикультурных элементов. Исследовательница считает некорректным сопоставление степени развитости культурных конфигураций, так как каждая из них является следствием уникального этоса как индивидуального внутрикультурного интегратора.

Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты – все вместе образуют единую неповторимую структуру, причем в каждой культуре присутствуют только строго определенные вариации, которые соответствуют этосу культуры [9, с. 37].

Таким образом, этос проявляет себя во всевозможных сферах социума, от распределения собственности в структурах социальной иерархии до разновидностей половых взаимоотношений внутри общества. Контактно-установочные функции этоса проявляют себя на базовых уровнях макротипов социальных отношений. На некоторых из этих уровней этологическое пространство ментальности имеет очень сложную геометрию, на других уровнях этос нельзя описать геометрически закономерно выражаемыми местами в пространстве, некоторые уровни не предполагают привязку этоса к излишне определенному пространственно-территориальному уровню.

Рут Бенедикт в своем теоретико-методологическом подходе вышла за рамки бихевиоризма (описания поведения людей) и обусловила возможность выйти из характеристики индивидуальной психологии на характеристику психологических взаимосвязанностей различных институций в каждом обществе.

Огромное влияние на содержательное наполнение термина «этнос» оказали антропологи научной школы Бронислава Малиновского [10; 11]. Понятие «этнос» стало выражать не просто образ социального и индивидуального поведения, но и осознание его носителями соответствующего стереотипа поведения в его речевых, мыслительных и действенных физических презентациях. В результате такого развития получились новая аксиоматическая категория и новый антропологический подход – этнологический. Последний исходит из того, что этнос не сводится к бихевиоризму (поведению и стилям поведения) и не является типом или структурой сознания (ментальностью), а представляет собой как бы срединную категорию – образ социального и индивидуального поведения, который уже или всегда осознан. Именно это качество этноса позволяет его выявить и корректно верифицировать, используя, в частности, социологические методы исследования.

Теоретическое и прикладное использование категории «этнос» в географическом исследовании ментальности населения представлено нами в работе [13]. Для структурирования географического пространства ментальности целесообразно ввести термин геоэтнос, под которым мы будем понимать полиструктурную совокупность элементов и подсистем основных этнологических компонентов общества, которые посредством соответствующих им макротипов социальных отношений проявляются на различных пространственных иерархических уровнях с их связями и взаимодействиями (как в пределах самой системы, так и с внешней средой). Таким образом, геоэтнос – это взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов этноса, рассматриваемого как географическая система.

В качестве элементов и подсистем геоэтноса мы рассматриваем следующие его основные компоненты: связь с вмещающим ландшафтом, территориальную идентичность, геоэтнокультурную стратификацию, социальную иерархию общества, гендерные взаимоотношения и мифологемы. С нашей точки зрения, это базовые уровни геоэтноса, позволяющие рассмотреть его как интегрально-пространственную структуру всего общества. Свойства этих уровней – все охватывающая интегральность, континуальность, дифференцированность, разноуровневость (многовершинность), нестрогая и территориально неодинаковая иерархичность, с которой соотносятся другие компоненты по принципу производной.

Таким образом, географическое структурирование этнологического пространства ментальности возможно через вычленение пространственной композиции элементов геоэтноса в его соотношении с основными структурами пространственной организации общества. Через посредство этих элементов реализуются требования структурной упорядоченности геоэтноса, характеризующиеся континуальностью, освоенностью, компактностью конфигурации, изрезанностью границ, сетчатостью, линейностью, очаговостью, центричностью и сопряженностью соседства.

Изложение основного материала

Прежде чем инициировать специальное направление по географическому исследованию ментальности населения, необходимо проанализировать предпосылки разных научных традиций географического анализа, имеющих эвристический потенциал в рассматриваемой области. Автор обращает внимание коллег на предлагаемый синтетический подход и приглашает их на содержательную дискуссию.

Очертим, прежде всего, ключевые хронологические параметры этнологической географии. С нашей точки зрения, ведущей научной традицией, позволившей рассматривать ментальность в географическом пространстве, является именно хронологическая.

Хорологические основания этнологической географии выражаются в том, что сама по себе ментальность не является предметом географического исследования. Географический подход, рассматривая человеческие дела сравнительным методом по пространству всей земли, исходит из различия ментальности от места к месту и взаимодействия с другими явлениями [3]. Необходимость хорологической точки зрения обуславливается наличием причинной взаимозависимости между приуроченными к одному месту земли явлениями, в силу чего каждое место на земле представляет собой единое индивидуальное целое [29; 39].

А. Геттнер, говоря о признаках различения районов, ставит на первое место региональное сознание [27]. Региональное сознание является важным индикатором в оценке ментальных факторов культурного регионализма. География позволяет не только фиксировать различия в проявлении ментальности в географическом пространстве, но и характеризовать индивидуальный район проявления какого-либо ментального типа.

Антропогеографический фокус этнологической географии рассматривается нами как органичное продолжение хорологической методологии. Антропогеография концептуально близка к школе географии человека. Мы рассматриваем этнологическую географию как наследницу принципов антропогеографии [10; 17; 18; 19; 21] и географии человека [15; 23] в области междисциплинарного синтеза с исторической наукой, стремящейся найти выход на географическую характеристику цивилизаций. В свою очередь, под цивилизацией мы понимаем геокультурное образование в определенном пространстве-времени (например, Латинская Америка, Индийская цивилизация и др.), феномен которой лежит в поведении людей (цивилизационная картина мира как разнообразие ментальных комплексов со своим стереотипом поведения и жизненными идеалами).

Современный этап развития общественной географии характеризуется возобновлением антропологических исследований под эгидой географии. По своей сути исследования Н.Н. Миклухо-Маклая, А.К. Булатовича и др. являются антропогеографическими. На сегодняшний день их творческое наследие использует такая историческая дисциплина, как этнография. Это научное направление своим количеством активных членов и объемом публикаций совершенно загоразживает этногеографическую ветвь общественной географии. Географическая интерпретация творческого наследия антропологов, а также расширение исследовательского поля поведенческой географии могут сыграть значимую роль в актуализации отечественной общественной географии. Эту ветвь в исследованиях в первом приближении можно назвать геоантропологией. С нашей точки зрения, предлагаемое автором исследование вносит свой вклад в продвижение к этой цели.

Особое значение для формирования этнологической географии имеет этногеография, которая активно использует в своей методологии термин «этноменталитет».

На сегодняшний день среди историков и зарубежных географов (особенно в англосаксонской социально-культурной антропологии) распространено мнение об ограниченности (по мнению некоторых исследователей, даже ошибочности) примордиалистских (т.е., исходных, первичных) подходов к этничности и наличию альтернативных подходов, таких как инструментализм и конструктивизм [26].

На наш взгляд, примордиалистский подход к этничности содержит богатый эвристический потенциал, который можно выявить, уточнив понятие этничности как системной целостности и указав роль исторического фактора в оценке этногенеза.

Инструменталистский подход к этничности детерминирует этничность как ответную реакцию на интеллектуальную (часто политическую) конструкцию, выражающуюся в солидаризирующемся социуме [34]. Конструктивизм вообще рассматривает этническую самоидентификацию как результат объективированных представлений. Этническое самосознание – это результат осмысления культурного своеобразия, складывающегося под воздействием контактов с соседями [2].

По нашему мнению, отмечаемый рядом авторов кризис в этногеографии связан с некритическим отказом географов от индигенных представлений об этничности.

Отмеченный В.Н. Стрелецким этнический индикатор культурного регионализма как присущий той или иной общности людей некой совокупности стереотипов этнического поведения и самосознания, которая позволяет представителям данной общности противопоставлять себя «чужакам» [24], полностью укладывается в представления об этносе в контексте концепции этногенеза Л.Н. Гумилева и актуализирует разрабатываемую нами методологию этологической географии в этом проблемном поле.

Отметим различный статус территориальности у этнического самосознания. Иногда этничность выражается как целостная региональная общность (распространенный феномен для России) [25], а иногда именно полиэтничность является ключевой чертой культурного регионализма.

В данной работе мы исходим из представления об этничности в контексте трактовки концепции этногенеза Л.Н. Гумилева. Этническая система не тождественна иерархическому представлению племя-народ-нация, которое чаще всего смешивается в оценке региональной идентичности и носит исторический характер. До 30-летней войны XVII в. не существовало европейских национальных (от слова нация) идентичностей. Вестфальский мир вывел на арену французов, немцев и др. До этого времени никакой общепанцузской или какой-то другой страновой идентичности не было. Этничность может и должна рассматриваться как индигенный фактор организации антропосферы. Этноконтактная подвижность по своей сути не нивелирует этот феномен (географическими методами можно вычленил не затрагиваемый этими контактами центр и подверженную модальностям периферию). Этноконтактность – важный внешний фактор любого этногенеза, не снимающий, а дополняющий объективность его содержания.

Кроме того, отдельную и до сих пор в полной мере не проанализированную проблему представляет собой временной фактор динамики этнических процессов, на которые обращал внимание ещё основоположник этнической географии У. Колморген [36].

В контексте нашего исследования очень важен вывод Брукфилда, сделанный им по обзору литературы [31] о том, что «люди, принимающие решения, когда они имеют дело с окружающей средой, основываются не на реальной среде, а на той, какая складывается в их представлении; в то же время обусловленные этими решениями действия совершаются в реальной среде».

Джон Райт, упоминаемый в ряде источников как автор термина «геософия», инициировал в западной географии подход к изучению таких сред восприятия, в частности, отметив важность детального изучения географических идей прошлого как важный источник субъективных представлений прошлого [42].

Отметим, что термин «геософия», который использовал ещё В.П. Семенов-Тянь-Шанский, может оказать продуктивное влияние в научной практике современной общественной географии [13].

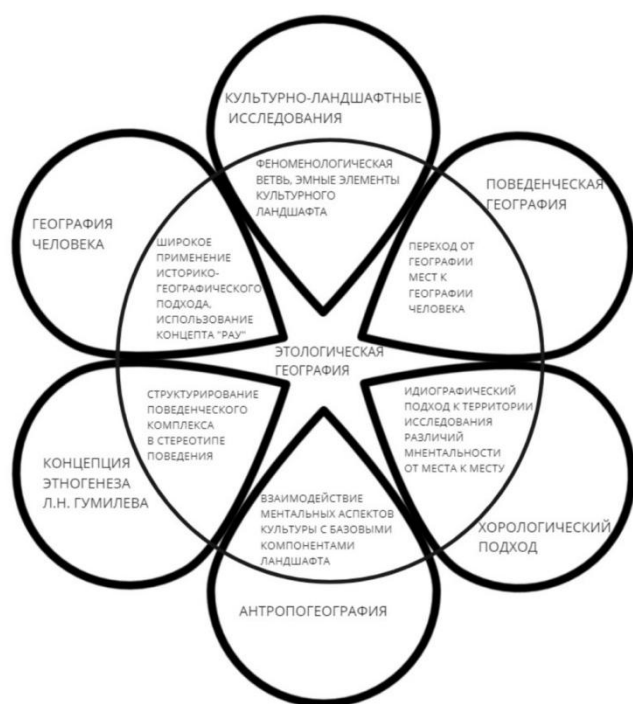
«Культурный поворот» (culturalturn) в общественно-географических исследованиях – важнейший тренд современной географии. Культурная география, возникшая ещё в классической антропогеографии, стала одним из ведущих направлений современной географической науки, а концепт культурного ландшафта – один из самых востребованных в культурной географии.

Научное описание территориальной структуры ментальности населения невозможно без использования понятия «культурный ландшафт». Как подчеркивает один из крупнейших культур-географов Франции Поль Клаваль, для французской школы культурно-ландшафтных исследований характерно особое внимание к «ментальным пространствам» [32].

Отмеченная В.Н. Стрелецким лакуна в феноменологической ветви культурно-ландшафтных исследований, работу в которой позиционирует себя только В.Л. Каганский [8], негативно сказывается на использовании концепта культурного ландшафта в идентификации ядер специфической ментальности населения.

Феноменологический подход позволяет трактовать ландшафт как «социальный конструкт» [37] и проблематизировать соотношение пространственной организации ментальной деятельности к территории, месту и ландшафту [5]. «Территориализация мысли», по М. Фуко [33], может быть рассмотрена в контексте культурно-географических исследований как пространственная самоидентификация населения и основа для анализа географических представлений человека.

Концепция культурного ландшафта позволила существенно развить теоретико-методологические разработки антропогеографии, включив в свою проблематику социокультурную составляющую, прямо выводящую нас на этологическую составляющую в ментальности населения.

Встраивание этологической географии в систему наук общественной географии
Integration of ethological geography into the system of sciences of social geography

этологическая география, во внутреннем круге – конкретные идеи указанного направления, использующиеся в этологической географии.

Выводы

Приведенный синопсис исходных концептуальных географических подходов к анализу ментальности населения и их интерпретация для целей настоящего исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Ведущая научная традиция, позволившая рассматривать ментальность в географическом пространстве, – хорологическая. Истоки этологической географии как самостоятельного направления географических исследований сформировались в антропогеографии и географии человека.

2. Этологическая география в своем исследовательском поле анализирует взаимодействия ментальных аспектов организации культуры с базовыми компонентами

Особое значение в нашем исследовании получили «эмные» элементы культурного ландшафта, характеризующие «внутренний» культурный ландшафт [9]. Эмический подход исходит из характеристики сообщества, данного им самим. Это взгляд изнутри в соответствии с восприятием местного сообщества. «Эмные» явления связаны с социально-психологической составляющей культуры. Это рефлексия сообщества и задаваемая им культурно-географическая реальность, которая исследуется нами в рамках этологической географии.

Теоретико-методологическое встраивание этологической географии в систему наук общественной географии показано нами на следующей схеме (см. рисунок).

На внешней кромке круга приводятся названия научных направлений, на которые опирается

Экономическая, социальная и политическая география
Любичанковский А.В.

ландшафта. Для этого она использует принципы антропогеографии и географии человека, которые в своих исследованиях стремятся выйти на географическую характеристику цивилизаций, понимая под последней геокультурное образование в определенном пространстве-времени. Рассматривая цивилизацию под ментально-географическим углом зрения как феномен поведения людей, сложившийся в характерный ментальный комплекс и подверженный геодинамике в своем витальном цикле, можно постулировать ментально-географический генезис динамики цивилизационных процессов и фрагментирования антропосферы. Основание для такого подхода представляет концепция этногенеза Л.Н. Гумилева. В этой концепции термин "суперэтнос" вводится как альтернативный терминам "цивилизация", "культура" или "миры" ("Исламский мир", "Западная цивилизация"). Суперэтнос рассматривается как идейно-религиозная и культурная целостность, стереотип поведения которой иерархически организован и динамичен в соответствии с фазами этногенеза.

3. Культурная и историческая бихевиористская география использовала концепт «бихевиористская среда», или «среда восприятия», что позволило этногеографам характеризовать поведение людей, взаимоотношения между социальными группами и мир восприятий в различных регионах мира в различные эпохи. Ограниченная результативность этногеографической ветви исследований в мировом масштабе, с нашей точки зрения, связана с отходом от индигенности в интерпретации этничности и в перекосе в широкомасштабных исследованиях в противовес микрогеографическим.

4. Этологическая география заполняет феноменологическую лауну в культурно-ландшафтных исследованиях и позволяет идентифицировать ядра специфической ментальности в географическом пространстве, проблематизируя соотношение пространственной организации ментальности к ландшафту.

В целом, можно говорить о своеобразном двуедином парадоксе: с одной стороны, этологическая география встраивается в парадигму культурного ландшафта, предоставляя определенную возможность разработки исследовательского поля культурной географии в качестве самостоятельного научного направления, а с другой стороны, – культурная география выступает как символ гуманизации, вдохновляя и мотивируя расширение традиционного исследовательского поля географической науки, в том числе за счет сюжетов этологической географии, выходящих по своей сути за проблематику культурного ландшафта.

Список источников

1. Анчел Е. Этнос и история. М.: Мысль, 1988. 130 с.
2. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
3. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. М.: Юрайт, 2019. 313 с.
4. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
6. Ефимов В.Т. Этология как учение о нравах и нравственности. М., 1992. 268 с.
7. Замятина Н.Ю. Когнитивная география: мат. к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2. М.: Институт наследия, 2005. С. 339–340.
8. Каганский В.Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. М., 2009. № 1. С. 62–70.
9. Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии // Новый хронограф, 2008. 320 с.
10. Крубер А.А. Общее землеведение [Электронный ресурс]. Ч. 3: Био- и антропогеография. М. 2015. IV, 404 с. URL: <https://elibr.rgo.ru/safe-view/123456789/233111/1/0JPQtdC+0LPRgC4xNzEucGRm>.
11. Лавренова О.А. Перцепционная география: мат. к словарю гуманитарной географии // Гуманитарная география. Вып. 5. М.: Институт Наследия, 2008. С. 260–264.
12. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 103 с.
13. Любичанковский А.В. Пространственные формы этноса в этологической географии // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. 2020. № 1(9). С. 37–49.
14. Николаев В.А. Эстетическое восприятие ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1999. №6. С. 10–15.
15. Принципы географии человека. М., 1922.

Экономическая, социальная и политическая география
Любичанковский А.В.

16. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. С. 74.
17. Район и страна / В.П. Семенов-Тянь-Шанский. 2-е изд., стереотип. М.: Пеликан, 2017. 314 с.
18. Ратцель Ф. Народоведение / пер. с нем. СПб.: Просвещение, 1902. Т. 1. 764 с.; Т. 2. 877 с.; Ратцель Ф. Земля и жизнь: Сравнительное землеведение / пер. с нем. СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон. Т. 1, вып. 1–4. 1903–1905. 737 с.; Т. 2. 1906. 730 с.
19. Синицкий Л.Д. Лекции по землеведению (антропогеография). М., 1915. URL: <https://cnbdvoprep.elpub.ru/xmlui/handle/123456789/581>.
20. Социально-экономическая география современного мира: учебник для студ. высш. учеб. заведений / В.Л. Мартынов, Э.Л. Файбусович. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.
21. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
22. Стрелецкий В.Н. Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы культурной географии // Известия РАН. Сер. Географическая. 2002. № 4. С. 18–28.
23. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. С. 48–78.
24. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. 2012. №14. С. 9–21.
25. Стрелецкий В.Н. Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. Гл. 2.6. С.146–176.
26. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
27. Каченко А.А., Файбусович Э.Л. Альфред Геттнер и российская география // Вестник Тверск. гос. ун-та. Сер.: География и геоэкология. 2008. Вып. 4. С. 2–23.
28. Топоров В.Н. Петербург и «Петербург и петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 214–273.
29. Файбусович Э.Л. Современная парадигма и развитие новых направлений социально-экономической географии: автореф. на соиск. учен. степ. докт. географ. наук. СПб., 1997.
30. Философская энциклопедия. Т. 5 / под ред. Ф.В. Константинова // Советская энциклопедия. Серия Энциклопедические словари и справочники. М., 1970. 740 с.
31. Brookfield H.C. Local study and comparative method: an example from Central New Guinea. «Annals, Association of American Geographers 52», p. 242–254. 1962.
32. Claval P. Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux. – Paris: Armand Collins, 2003. 288 p.
33. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of “Herodote” // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.
34. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley, etc., 1985
35. Kitchin R.M. Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20.No. 1. P. 56–84.
36. Kollmorgen W.M. Crucial deficiencies of regionalism // American Economic Review: Papers and Proceedings. 1945 Vol.35. P. 377–389.
37. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. 512 p
38. Mark D.M., Freksa C., Hirtle S.C. Cognitive models of geographical space. Geographical Information Science. 1999. Vol. 13. No. 8. P. 747–774.
39. R. Hartshorne. The Nature of Geography A Critical Survey of Current Thought in The Light of The Past. The Association Lancaster, 1939. The Nature Of Geography A Critical Survey Of Current Thought In The Light Of The Past: Richard Hartshorne: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive.
40. Ratcel' F. Narodovedenie / per. s nem. SPb.: Prosveshchenie, 1902. Т. 1. 764 с.; Т. 2. 877 с.
41. Ratcel' F. Zemlya izhizn': Sravnitel'noe zemlevedenie / per. s nem. SPb.: Izd-vo Brokgauz-Efron. Т. 1, Vyp. 1–4. 1903–1905. 737 с.; Т. 2. 1906. 730 с.
42. Wright J.K. Terrae incognitae: the place of imagination in geography. «Annals, Association of American Geographers 37», p. 1–15. 1947.

References

1. Anchel, E. (1988), *Etosiistoriya*, Mysl', Moscow, Russia.
2. Bart, F. (2006), *Etmicheskiegruppyisocial'nyegranicy*, Novoeizdatel'stvo, Moscow, Russia
3. Gettner, A. (2019), *Geografiya, eeistoriya, sushchnost' imetody*, YUrajt, Moscow, Russia.
4. Gold, Dzh. (1990), *Psihologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoj geografii*, Progress, Moscow, Russia.
5. Delyoz, ZH., Gvattari, F. (1998), *CHtotakoefilosofiya?*, Aletejya, SPb, Russia.
6. Efimov, V.T. (1992), *Etosologiya kakuchenie o nrvakh i nrvstvonnosti*, Moscow, Russia.
7. Zamyatina, N.Yu. (2005), *Kognitivnaya geografiya (Materialy k slovarju gumanitarnoj geografii)*, *Gumanitarnaya geografiya: Nauchnyji kul'turno-prosvetitel'skij al'manah*, vol. 2, pp. 339–340.
8. Kaganskij, V.L. (2009), *Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii*, *Observatoriya kul'tury: zhurnal-obozrenie*, no. 1, pp. 62–70.
9. Kaluckov, V.N. (2008), *Landshaft v kul'turnoj geografii*, Novyj hronograf.
10. Kruber, A.A. (2015), *Obsheezemlevedenie. CH. 3: Bio- i antropogeografiya*, Moskva, Russia [1923], available at: <https://elib.rgo.ru/safe-view/123456789/233111/1/0JPQtdC+0LPRGc4xNzEucGRm>.
11. Lavrenova, O.A. (2008), *Percepcionnaya geografiya (Materialy k slovarju gumanitarnoj geografii)*, *Gumanitarnaya geografiya. Vyp. 5*, pp. 260–264.
12. Lynch, K. (1982), *Obraz goroda*, Strojizdat, Moscow, Russia.

Экономическая, социальная и политическая география
Любичанковский А.В.

13. Lyubichankovskij, A.V. (2017), Epistemologicheskie osnovaniya geografii mental'nosti, *Social'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik associacii rossijskih geografov-obshchestvovedov*, no. 6, pp. 218–232.
14. Nikolaev, V.A. (1999), Esteticheskoe vospriyatie landshafta, *Vestnik MGU. Ser. 5. Geografiya*, no. 6, pp. 10–15.
15. Principy geografii cheloveka (1922).
16. Ragulina, M.V. (2004), *Kul'turnaya geografiya: teorii, metody, regional'nyj sintez*, Izd-vo Instituta geografii SO RAN, Irkutsk, Russia.
17. Rajon istrana (2017), Pelikan, Moscow, Russia.
18. Ratcel', F. (1902), *Narodovedenie* / per. s nem. SPb.: Prosveshchenie, 1902 T. 1 764 s.; T. 2 877 s. Ratcel' F. Zemlya izhizn': Sravnitel'noe zemlevedenie / per. s nem. SPb.: Izd-vo Brokgauz - Efron. T. 1, vyp. 1–4. 1903–1905. 737 s.; T. 2 1906 730 s.
19. Sinickij, L.D. (1915), *Lekcii po zemlevedeniyu (antropogeografiya)*, available at: <https://cnbdvoprep.elpub.ru/xmlui/handle/123456789/581>.
20. Social'no-ekonomicheskaya geografiya sovremennogo mira: uchebikdlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij (2010), ed. V.L. Martynov, E.L. Fajbusovich., «Akademiya», Moscow, Russia.
21. Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy. Slovar'-spravochnik. Otv. red. A.P. Gorkin (2013), Ojkumena, Smolensk, Russia.
22. Streleckij, V.N. (2002), Geograficheskoe prostranstvo i kul'tura: mirovozzrencheskie ustanovki I issledovatel'skie paradigm kul'turnoj geografii, *Izvestiya RAN. Ser. Geograficheskaya*, no.4, pp. 18–28.
23. Streleckij, V.N. (2019), Koncept kul'turnogo landshafta v mirovoj kul'turnoj geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretacii, *CHelovek: obrazisushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, pp. 48–78.
24. Streleckij, V.N. (2012), Kul'turnyj regionalizm: sushchnost' ponyatiya, problem izucheniya i Sistema indikatorov, *Pskovskij regionologicheskij zhurnal*, no. 14, pp. 9–21.
25. Streleckij, V.N. (2011), Rossiya v etnokul'turnom izmerenii: factory regionalizacii i prostranstvennye struktury, *Regional'noe razvitie i regional'naya politika Rossii v perekhodnyj period*, pp. 146–176.
26. Tishkov, V.A. (2003), *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii*, Nauka, Moscow, Russia.
27. Tkachenko, A.A., Fajbusovich, E.L. (2008), Al'fred Gettner i rossijskaya geografiya, *Vestn. Tversk. gos. un-ta. Ser.: Geografiya i geoekologiya*, vol. 4, pp. 2–23.
28. Toporov, V.N. (1995), Peterburgi «Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury» (Vvedenie v temu), *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe*, pp. 214–273.
29. Fajbusovich E.L. (1997), Sovremennaya paradigm I razvitie novyh napravlenij social'no-ekonomicheskoy geografii. Avtoref. nasoiisk. uch. stepenidokt. geograf. nauk. SPb.
30. Filosofskaya enciklopediya. Tom 5 (1970), pod red. F.V. Konstantinova, Sovetskayaenciklopediya. Seriya Enciklopedicheskie slovari i spravochniki.
31. Brookfield, H.C. (1962), Local study and comparative method: an example from Central New Guinea, «*Annals, Association of American Geographers* 52», pp. 242–254.
32. Claval, P. (2003), Géographie culturelle. Une nouvelle approche des sociétés et des milieux, Armand Collins, Paris.
33. Foucault, M. (1980), Questions on geography: Interview with the editors of “Herodote”, *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings*, Brighton: Harvester, pp. 63–77.
34. Horowitz, D. (1985), *Ethnic Groups in Conflict*, Berkley.
35. Kitchin, R.M. (1996), Increasing the integrity of cognitive mapping research: appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction, *Progress in Human Geography*, vol. 20, no. 1, pp. 56–84.
36. Kollmorgen, W.M. (1945), Crucial deficiencies of regionalism, *American Economic Review: Papers and Proceedings*, vol. 35, pp. 377–389.
37. Lefebvre, H. (1974), *La production de l'espace*, Anthropos, Paris.
38. Mark, D.M., Freksa, C., Hirtle, S.C. (1999), Cognitive models of geographical space, *Geographical Information Science*, vol. 13, no. 8, pp. 747–774.
39. R. Hartshorne (1939), *The Nature of Geography A Critical Survey of Current Thought in The Light of The Past*. The Association Lancaster, The Nature of Geography A Critical Survey of Current Thought in The Light of The Past: Richard Hartshorne: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive.
40. Sauer, K. (1924), The morphology of Landscape, *Univers. California.Publicat. Geography*, vol. II, pp. 19–53.
41. Shluter, O. (1928), Dieanalytische geographieder Kultur landschafter lauternam Beispielder Brucken, *Zeitschrift der Gesellschaft furrdkundezuberlin*, Sonderbrand, pp. 388–411.
42. Wright, J.K. (1947), Terrae incognitae: the place of imagination in geography, «*Annals, Association of American Geographers* 37», pp. 1–15/

Статья поступила в редакцию: 18.10.2022; одобрена после рецензирования: 28.02.2023; принята к опубликованию: 23.05.2023.

The article was submitted: 18 October 2022; approved after review: 28 February 2023; accepted for publication: 23 May 2023.

Информация об авторе

Алексей Валентинович Любичанковский
кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры
географии и регионоведения, Оренбургский
государственный университет;
460018, Россия, г. Оренбург, Проспект Победы, 13

Information about the author

Aleksey V. Lyubichankovsky
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Geography and
Regional Studies, Orenburg State University;
13, prospekt Pobedy, Orenburg, 460018, Russia
e-mail: av-lubichan@yandex.ru